

12+

Дмитрий Толяков

Четвёртый
выстрел

Дмитрий Голяков

Четвёртый выстрел

«Издательские решения»

Голяков Д.

Четвёртый выстрел / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Алексей просыпается без памяти. В руке — гильза. В голове — голос: «Ты помнишь выстрел?» Он не помнит даже своего имени. Только куб. Четыре стены. Четыре версии его самого. Женщина в углу. И выстрел. Чтобы вырваться, он должен убить двоих из себя и принять третьего. «Четвертый выстрел» — это лабиринт сознания, где каждая дверь ведет к ошибке, которую нельзя исправить, и к правде, которую невозможно забыть.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 — «Сон»	6
Глава 2 — «Четыре имени»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Четвёртый выстрел

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0070-5822-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 — «Сон»

Звук был резким, как удар хлыста по стеклу. Он пронзил тишину, разодрал её в клочья, и мир, до этого момента бывший плотной вязкой тьмой, взорвался светом. Белым, беспощадным, режущим по глазам.

Он лежал, не в силах пошевелиться, чувствуя, как одеяло тяжелым грузом придавливает его к матрасу. Сердце колотилось где-то в горле, глухо и часто, отдаваясь пульсирующей болью в висках. Звук повторился. Три коротких настойчивых удара. Дверь. Кто-то звонил в дверь.

Но мысль о двери была чужой. В голове, перекрывая реальность, пульсировала другая картинка. Она была идеально четкой, как кинокадр, врезаемый в сознание раскаленным железом.

Куб.

Четыре белые стены. Идеально ровные, без окон, без дверей. Четыре фигуры, стоящие друг напротив друга. Он узнавал их всех, хотя никогда не видел их лиц. Они были им. Он знал это с той же неизбежностью, с какой знал, что сейчас лежит в собственной постели. Один — агрессивный, сжатые кулаки, готовый к бою. Второй — сгорбленный, плечи дрожат, он плачет. Третий — застыл, как камень, глаза в пол, полное безразличие. И четвертый — он сам. Стоящий в центре, смотрящий на всех, и чувствующий, как в руке тяжелеет металл.

А еще там была женщина. Она сидела в углу, скрестив руки на коленях, и её молчание было громче любых слов. Она не смотрела на них. Она смотрела сквозь них. И ждала.

А потом — звук. Не звонок в дверь, а другой звук. Глухой, влажный, обрывающий всё. Выстрел.

Он рефлекторно поднес руку к виску. Пальцы дрожали, но были сухими. Никакой липкой влаги, никакой раны. Только странное, пульсирующее тепло под кожей, будто там, внутри, всё еще тлел ожог. Он провел пальцами по виску, по скуле, по шее — всё было на месте. Он был цел. Но чувство, что только что его мозг вышибло из черепа, не проходило. Оно висело в воздухе, как запах озона после грозы.

Звонок повторился. Громче. Настойчивее. Кто-то не собирался уходить.

Он с трудом сел. Голова кружилась, комната плыла. Сквозь пелену он разглядел знакомые очертания: шкаф, стол, пыльный торшер в углу. Спальня. Его спальня. Но всё казалось чужим. Слишком плоским. Слишком реальным после той ледяной, геометрической чистоты куба. Каждая вещь в комнате будто поддельная — декорация, поставленная второпях.

Он встал. Ноги были ватными, плохо слушались. Каждый шаг к двери давался с трудом, словно он пробирался сквозь густую воду. Пол под ногами казался зыбким. Он даже посмотрел вниз, проверяя, не исчез ли он — как тот пол во сне, который исчезал, когда он умирал. Ламинат был на месте. Но его рисунок слегка искажался, как отражение в ряби воды.

Он дошел до прихожей. Ручка двери была холодной. Слишком холодной, будто её только что принесли с мороза. Он сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле, и повернул её.

Дверь открылась. В коридор хлынул серый безжизненный свет из подъезда. Запахло сыростью и старой краской. Сердце колотилось где-то в ушах. Он выглянул наружу.

Пусто.

Никого. Только мутный свет, падающий из окна на лестничной клетке. Только тишина, нарушаемая гулким стуком собственного сердца. Он шагнул на порог, заглянул за угол — никого. Лестница была пуста. Ни звука шагов, ни шуршания одежды. Только полная, звенящая тишина.

Он уже хотел захлопнуть дверь, когда заметил это. На пороге, прямо на грязном половике, лежал небольшой предмет. Блестящий, желтоватый, почти незаметный в тусклом освеще-

щении. Он наклонился и поднял его. Гильза. Пистолетная гильза, 9 миллиметров, судя по размеру.

Она была тёплой. Словно её только что выкинули из патронника.

Он повертел её в пальцах, и в тот же миг воспоминание ударило с новой силой. Выстрел. Тепло, разливающееся по виску. Женщина, сидящая в углу. Её взгляд — спокойный, ничего не выражающий. Она смотрела на него, и в этом взгляде не было ни жалости, ни страха. Только ожидание.

Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, сжимая гильзу в кулаке. Тёплый металл обжигал ладонь. Он закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в руках.

И тут он понял.

Он не помнил своего имени.

Осознание пришло не сразу. Оно накатило, как тошнота, медленно, заполняя пустотой всё нутро. Он знал, что это его квартира. Знал, как выглядит коридор. Знал, как пахнет сырость из подъезда. Но собственное имя исчезло. Вместо него осталась только вязкая пустота.

Он попытался вспомнить. Алексей? Пётр? Михаил? Арсений? Все имена всплывали, но ни одно не отзывалось внутри. Они были чужими, как одежда с чужого плеча. Он знал, что у него должно быть имя. У каждого человека есть имя. Но его — нет.

Только женщина в углу. Только выстрел. Только куб.

И гильза, всё ещё тёплая в ладони.

Он медленно прошёл в гостиную, сел на диван, уставившись в стену. В голове гудело. Куб, четыре фигуры, женщина, выстрел — всё это перемешалось в липкую кашу, из которой невозможно было вычленивать нить. Где реальность? Где сон?

Он поднес гильзу к глазам, рассматривая её под светом тусклой лампы. Металл блестел, отражая его лицо. Отражение было нормальным — уставшие глаза, щетина на щеках, взлохмаченные волосы. Обычный мужчина, который только что проснулся после кошмара. Но что-то в этом отражении было не так.

Оно смотрело на него слишком пристально.

Он перевернул гильзу, и отражение исчезло. Вместо лица он увидел мелкую царапину на металле. Или не царапину? Он приблизил гильзу к глазам, пытаясь разглядеть. Это было слово. Выцарапанное, словно иголкой.

«ПОМНИ»

Он почувствовал, как холод пробегает по спине. Он поднёс гильзу к уху, будто надеясь услышать в ней эхо выстрела. Но там была только тишина — абсолютная, давящая, как в той комнате из сна.

Телефон на столе завибрировал.

Он вздрогнул, чуть не уронив гильзу. Экран светился, на нём высветилось уведомление: одно входящее сообщение. Он взял телефон, провёл пальцем по экрану. Сообщение было от неизвестного номера. Текст короткий:

«Ты помнишь выстрел? Значит, ты готов. Не выходи из квартиры. Жди. Я приду».

Он устался на экран, чувствуя, как сердце снова начинает биться быстрее. Кто это? Откуда этот номер? Он попытался пролистать контакты, историю звонков — всё было пустым. Ни одного сохранённого номера, ни одного сообщения. Телефон был девственно чистым, будто он только что его купил.

Кроме одного.

Одно имя в списке контактов. Единственное.

«Женщина».

Он нажал на вызов. Трубка гудела. Один гудок, второй, третий, четвёртый. Он уже хотел сбросить, когда на том конце что-то щелкнуло.

— Ты помнишь выстрел? — спросил голос.

Женский. Спокойный. Абсолютно лишённый эмоций, словно она читала заученный текст. И этот голос был ему знаком. Он слышал его раньше. Не сегодня. В кубе. Она сидела в углу и молчала, но её голос звучал в его голове. Именно этот голос. Низкий, немного хрипловатый, с мягкими интонациями.

— Ты помнишь выстрел? — повторила она. — Ответь.

Он открыл рот, но язык прилип к нёбу. Он не мог выдать ни звука. Только дыхание — прерывистое, с хрипом.

— Я знаю, что ты помнишь, — сказала она, и в голосе промелькнула сталь. — Ты готов. Слушай меня. Не выходи из квартиры. Что бы ты ни увидел за дверью — не выходи. Это ловушка. Я приду к тебе. Жди.

— Кто ты? — выдавил он, чувствуя, как голос срывается на хрип.

— Ты знаешь, кто я, — ответила она. — Ты всегда знал. Просто ты забыл. Вспомни.

Она сбросила вызов.

Он уставился на погасший экран, чувствуя, как холодный пот выступает на лбу. Он зажмурился, пытаясь вспомнить её лицо, но перед глазами стояла только белая стена куба. И её фигура в углу.

Не выходить из квартиры. Что бы он ни увидел за дверью.

Он посмотрел на входную дверь. Она была закрыта, но он чувствовал её. Ощущение, что за ней кто-то стоит. Кто-то, кто звонил. Кто-то, кто оставил гильзу.

Он медленно поднялся с дивана и подошёл к двери. Приложил ухо к холодному металлу. Тишина. Но не обычная. Такая же, как в кубе — давящая, плотная, почти осязаемая. Он мог поклясться, что слышит чьё-то дыхание. Ровное, спокойное.

Он отшатнулся от двери, сжимая гильзу в кулаке так, что костяшки побелели.

— Кто там? — спросил он, и голос прозвучал глухо, незнакомо.

Никто не ответил.

Но он знал — там кто-то есть. И этот кто-то ждал, когда он откроет дверь.

Он стоял у двери, прижавшись ухом к холодному металлу, и слушал. Тишина была плотной, вязкой, неестественной. В подъезде всегда были звуки — скрип лифта, шаги соседей, глухие удары где-то внизу. Но сейчас ничего. Абсолютная тишина, как в вакууме. Только его собственное дыхание, слишком громкое в этой пустоте.

Он отстранился от двери и сделал шаг назад. Потом ещё один. Спина уперлась в стену прихожей, и он замер, чувствуя, как холод бетона проникает сквозь тонкую футболку. Гильза всё ещё была зажата в кулаке, и он разжал пальцы, глядя на неё. Металл тускло блестел в полумраке прихожей. Он перевернул её, снова ища ту царапину, то слово.

«ПОМНИ»

Что помнить? Куб? Выстрел? Или что-то другое, что ускользало, пряталось за краем сознания? Он провёл большим пальцем по выцарапанным буквам, чувствуя неровности металла. И в этот момент в голове мелькнула чужая мысль. Не его. Словно кто-то другой думал внутри него.

«Ты уже здесь был. Ты всегда здесь был. Просто ты не хотел этого видеть».

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Мысль исчезла, оставив после себя лишь лёгкое головокружение и тошноту. Он сунул гильзу в карман джинсов и прошёл в ванную. Нужно было умыться. Привести себя в порядок. Сделать что-то нормальное, чтобы убедиться, что он всё ещё существует в этом мире.

Свет в ванной зажёгся не сразу. Лампочка замигала, зажужжала противно, и наконец загорелась ровным холодным светом. Он подошёл к раковине, открыл кран. Вода полилась, и он подставил ладони под ледяную струю. Холод обжёг кожу, и это было приятно — хотя бы одно реальное ощущение.

Он умылся, провёл мокрыми руками по лицу, и поднял взгляд на зеркало.
И замер.

Отражение не совпадало с его движениями.

Он моргнул — отражение моргнуло на полсекунды позже. Он поднёс руку к лицу — отражение повторило жест, но медленно, словно нехотя, и когда его собственные пальцы уже коснулись щеки, отражение всё ещё держало руку на полпути.

По спине пробежала ледяная дрожь. Он отшатнулся от зеркала, но отражение не сдвинулось. Оно стояло на месте, глядя на него. Глаза отражения были его глазами, но взгляд — другой. Слишком внимательный. Слишком осознанный.

— Что за чушь? — прошептал он, и голос прозвучал глухо.

Отражение не ответило. Оно просто смотрело. А потом, медленно, его губы растянулись в улыбку. Не его улыбку. Он не улыбался. Он стоял с каменным лицом, но отражение улыбалось ему. Широко, почти злорадно.

Он ударил кулаком по зеркалу. Звон. Трещина разбежалась по стеклу, искажая лицо. Улыбка исчезла, разделившись на несколько частей. Он смотрел на разбитое зеркало, чувствуя, как костяшки пальцев саднит от удара. Кровь не пошла — только покраснение.

Он перевёл взгляд на раковину. Туда, где лежал осколок. В нём он увидел своё отражение — нормальное. Правильное. Уставшее. Без улыбки.

Но в углу зеркала, там, где трещина расходилась паутиной, он увидел ещё что-то. Чьё-то лицо. Позади него. Женщина. Она стояла у него за спиной, в дверном проёме ванной.

Он резко обернулся.

Никого.

Только пустой коридор, и тусклый свет из гостиной.

Он выбежал из ванной, заглянул в гостиную — пусто. На кухню — пусто. Спальня — пусто. Он один в квартире. Никого.

Но он видел её. Чётко. Она стояла у него за спиной, сложив руки на груди, и смотрела на него тем же спокойным, ничего не выражающим взглядом, что и в кубе. Он мог поклясться, что чувствовал её запах — лёгкий, цветочный, незнакомый.

Он вернулся в гостиную, опустился на диван, чувствуя, как дрожат руки. Он не спал. Он не мог спать. Всё это происходило наяву. Или нет? Может, он всё ещё спит? Может, этот кошмар просто не хочет отпустить его?

Телефон снова завибрировал. Он схватил его, надеясь увидеть сообщение от неё.

Но экран был пуст. Никаких уведомлений. Время на телефоне показывало 03:14. Он помнил, как проснулся — было утро. Свет за окном был серым, дневным. Но часы упрямо показывали ночь.

Он перевёл взгляд на наручные часы, которые всегда лежали на журнальном столике. Те показывали 14:30. Три часа дня. Он посмотрел на телефон — снова 03:14. На настенные часы — они показывали 22:45.

Каждые часы ввали. Каждые показывали разное время. И ни одно не совпадало с тем, что он видел за окном.

Он подошёл к окну. За ним была серая пелена. Не день, не ночь, не сумерки. Просто серость. Он не видел ни неба, ни домов напротив, ни улицы. Только плотную, однородную серую массу, как будто его окно выходило в никуда.

Он попытался открыть окно. Ручка не поддавалась. Он дёрнул сильнее — бесполезно. Окно было заперто. Или запечатано. Он прикоснулся пальцами к стеклу. Оно было холодным, гладким, но он почувствовал, как под пальцами оно слегка подаётся, как будто это была не стеклянная поверхность, а что-то живое. Пульсирующее.

Он отдернул руку, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Он отошёл от окна, пытаясь успокоить дыхание. В голове шумело. Картинки из сна смешивались с реальностью, и он уже не мог понять, где заканчивается одно и начинается другое.

Он снова вытащил гильзу из кармана. Она остыла. Металл был холодным, почти ледяным. Он повертел её в пальцах, и снова заметил слово. Но теперь оно было другим.

«ПОСМОТРИ»

Он поднёс гильзу к глазам, вглядываясь в металл. И в отражении увидел комнату. Ту самую — белые стены, четыре фигуры. Но на этот раз всё было по-другому. Три фигуры стояли, а четвёртая лежала на полу. Он узнал её. Это был он. В серой одежде, с закрытыми глазами. И над ним стояла женщина. Та самая, что сидела в углу. Она смотрела на него сверху, и в руке у неё был пистолет.

Она подняла его, навела на голову лежащей фигуры.

— Нет! — закричал он, швырнув гильзу на пол.

Она упала с глухим стуком, покатилась по паркету и замерла под диваном. Он стоял, тяжело дыша, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Перед глазами всё плыло.

— Это просто сон, — прошептал он. — Это просто сон. Ты спишь. Ты проснёшься.

Он закрыл глаза, сжал кулаки, пытаясь вырваться из этого кошмара. Но когда открыл их — ничего не изменилось. Всё та же комната, тот же серый свет за окном, та же тишина.

Он упал на колени, чувствуя, как силы покидают его. Что происходит? Кто эта женщина? Почему он не помнит своего имени? Почему зеркала врут, часы сходят с ума, а за окном пустота?

Он поднял голову и увидел её. В дверном проёме кухни. Она стояла и смотрела на него. Спокойно, без эмоций. Та самая женщина. Из куба. Из гильзы. Из его сна.

— Ты не должен был бить зеркало, — сказала она. — Теперь ты разбил первый слой. Всё стало сложнее.

Он попытался заговорить, но голос снова исчез, застрял где-то в горле. Она шагнула к нему, и он почувствовал запах цветов. Такой же, как в ванной.

— Ты всё ещё не готов, — сказала она, наклоняясь к нему. — Ты должен вспомнить. Всё. Каждый раз, когда ты умирал. Каждый выбор. Каждую ошибку. Только тогда ты сможешь выбраться.

Она протянула руку, и он увидел на её ладони гильзу. Ту самую, которую он бросил на пол.

— Возьми, — сказала она. — Теперь ты знаешь, что смотреть. Но ты должен помнить. Ты должен помнить, кто ты на самом деле.

Он взял гильзу дрожащей рукой. Она снова была тёплой. Он поднёс её к глазам, готовый увидеть куб, женщину, выстрел. Но на этот раз в отражении был он сам. Он, лежащий в больничной койке. Вокруг — белые стены, мониторы, трубки. Рядом — та же женщина, но другая. Она держала его за руку и плакала.

Он оторвал взгляд от гильзы и посмотрел на женщину перед собой. Она улыбнулась, но в улыбке не было тепла. Только грусть.

— Ты почти вспомнил, — сказала она. — Но пока ты не готов. Ты должен пройти через всё сначала.

Она начала медленно исчезать. Её тело становилось прозрачным, как туман, и через секунду от неё остался только лёгкий шлейф цветочного аромата.

Он остался один в пустой квартире, сидя на полу в гостиной, сжимая в ладони тёплую гильзу, и смотрел в пустоту. Женщина исчезла. Только запах цветов ещё витал в воздухе, постепенно растворяясь, уступая место затхлости старой квартиры.

«Ты почти вспомнил».

Она сказала это так, будто знала всё. Будто видела его насквозь. И от этого становилось страшно — потому что он знал, что она права. Где-то глубоко внутри, за этим туманом забвения, пряталась правда. Он чувствовал её. Она пульсировала в висках вместе с болью, которая не проходила. Та самая — в том месте, куда пришёлся выстрел.

Он поднялся с пола, чувствуя, как затекли ноги. Гильза всё ещё была в руке. Он сжал её крепче, будто она могла дать ему ответы. Металл нагрелся от его ладони, и это тепло казалось единственной реальной вещью в этой комнате.

Он прошёл в спальню, сел на край кровати. Нужно было собраться. Он закрыл глаза, пытаясь нащупать в себе хоть что-то, что могло бы стать якорем. Имя. Он не помнил имени. Но может быть, он помнил что-то другое? Лицо? Голос? Запах?

Он напряг память, и перед глазами поплыли картинки. Разрозненные, обрывочные, как кусочки разбитой плёнки.

Женщина. Другая. Она смеётся, запрокинув голову. Солнечный свет падает на её волосы. Она поворачивается к нему. Она что-то говорит, но он не слышит слов. Только движение губ. Она счастлива. И он счастлив. Рядом с ней.

Картинка исчезла, растворилась, как дым. Осталась только пустота и чувство вины. Огромное, всепоглощающее чувство вины, которое сдавливало грудь, мешая дышать. Он знал, что эта женщина из его воспоминаний — та, что держала его за руку в больнице на картинке из гильзы. Она ждала его. А он не мог вернуться.

Почему?

Он снова открыл глаза, чувствуя, как к горлу подступает ком. В комнате было тихо. Слишком тихо. Он прислушался — ни звука с улицы, ни гула машин, ни голосов соседей. Только абсолютная, давящая тишина. Словно мир затаил дыхание, ожидая чего-то.

Он подошёл к окну в спальне. Та же серая пелена. Он прикоснулся пальцами к стеклу, и снова почувствовал странную пульсацию. Стекло было живым. Оно дышало под его пальцами. Он отдернул руку, отступил на шаг.

И тут он заметил.

На подоконнике лежал лист бумаги. Обычный, белый, сложенный пополам. Он не видел его раньше. Там было пусто, когда он заходил в спальню. Или нет? Он не мог вспомнить. Всё смешалось.

Он взял лист, развернул его. Внутри — один короткий текст, написанный аккуратным женским почерком:

«Ты боишься выйти. Но ты должен. Выход — единственный способ найти вход. Я жду тебя там, где всё началось. Ты знаешь, где это».

Он перечитал сообщение три раза, чувствуя, как внутри разрастается холод.

«Выход — единственный способ найти вход».

Что это значит? Где «там, где всё началось»? В кубе? В той белой комнате с четырьмя фигурами? Или где-то ещё, в той жизни, которую он не мог вспомнить?

Он скомкал бумагу, но рука замерла на полпути. Может, не стоит её уничтожать. Может, это подсказка. Он разгладил лист, сложил его и сунул в карман, рядом с гильзой.

Снова телефон. В этот раз — звонок.

Он вытащил его, взглянул на экран. «Женщина». Та, из куба. Он нажал «принять», но не успел ничего сказать.

— Не выходи через дверь, — сказала она. Голос был резким, почти жёстким. — Выходи через окно.

— Что? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Через окно, — повторила она. — Ты увидишь лестницу. Она приведёт тебя туда, куда нужно. Не бойся. Иди.

— Я не могу, — сказал он, чувствуя, как голос срывается. — Там ничего нет. Только серая пелена.

— Потому что ты не доверяешь, — ответила она. — Доверься. Сделай шаг. Или останешься здесь навсегда.

Она сбросила вызов.

Он уставился на телефон, чувствуя, как дрожат руки. Выйти через окно? В серую пустоту? Это безумие. Это смерть. Но её голос звучал так уверенно. Так спокойно. Она знала, что говорит.

Он посмотрел на окно. Стекло пульсировало, как живое. Он подошёл ближе, прикоснулся к нему ладонью. И почувствовал, как оно подаётся. Мягко, словно мембрана. Он надавил сильнее — и рука провалилась сквозь стекло, как сквозь туман.

Он отдернул руку, разглядывая её. Никаких порезов. Никакой крови. Только лёгкое покалывание в пальцах.

Он посмотрел на окно. Теперь оно было прозрачным. За ним — не серая пелена, а узкая металлическая лестница, уходящая вниз. В туман. В белую мглу, которая клубилась где-то внизу.

Он сглотнул. Сердце колотилось. Каждая клетка тела кричала: «НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО». Но она сказала доверять. И он доверял. Почему-то он доверял ей больше, чем себе.

Он распахнул окно, чувствуя, как ветер ударяет в лицо. Холодный, колющий. Он перекинул ногу через подоконник, встал на металлическую площадку. Лестница была узкой, перила ржавыми. Внизу — белый туман. Не видно ни земли, ни дна.

— Ну, блин, — прошептал он, сжав гильзу в кармане. — Либо я спятил, либо это единственный шанс.

Он начал спускаться. Каждый шаг отдавался эхом в пустоте. Металл скрипел под ногами. Ветер становился сильнее, рвал одежду, хлестал по лицу. Он не смотрел вниз — только вперёд, на ступени, которые вели в никуда.

Он спускался долго. Минуты, часы — он потерял счёт времени. Лестница уходила всё глубже и глубже, а туман вокруг сгущался, становясь плотным, почти осязаемым. И вдруг — конец. Площадка. И дверь.

Обычная деревянная дверь, без ручки, без замка. Только металлическая табличка: «ЗАВОДСКАЯ, 3».

Он замер, глядя на неё. Заводская, три. Та самая, что была в сообщении? Он не мог вспомнить, чтобы ему кто-то говорил об этом. Но в голове мелькнула мысль — он знает это место. Знал всегда.

Он толкнул дверь. Она открылась без звука, впуская его в белое пространство.

Белые стены. Идеально ровные, без окон, без дверей. Четыре стены. Он стоял в центре куба. Но внутри — пустота. Никаких фигур. Только он.

И женщина. Она сидела в углу и смотрела на него.

— Ты пришёл, — сказала она. — Ты выбрал доверие. Это первый шаг.

— Где остальные? — спросил он, чувствуя, как голос дрожит. — Где те трое?

Она покачала головой:

— Они придут, когда ты будешь готов. Сейчас — только ты и я. Ты должен понять, кто ты. Ты должен вспомнить имя.

Он закрыл глаза, чувствуя, как в голове снова разрывается туман. Имя. Он должен вспомнить имя. Он напряг память из последних сил.

И вдруг — вспышка. Картинка. Его лицо в зеркале, но не в разбитом, а в чистом. Он смотрит на себя, и в отражении он не один. Позади — женщина из больницы. Она держит его за плечи и шепчет что-то на ухо.

Он слышит шёпот. Она произносит его имя.

Он открыл глаза.

— Алексей, — сказал он. Голос был твёрдым. — Меня зовут Алексей.

Женщина улыбнулась. Впервые по-настоящему. Тепло.

— Здравствуй, Алексей, — сказала она. — Я ждала тебя.

Алексей.

Он повторил это имя про себя, пробуя его на вкус. Оно звучало правильно. Не как одежда с чужого плеча, а как старая, привычная вещь, которую он носил всю жизнь. Он не знал, почему оно пришло именно сейчас, но знал — это его имя. Настоящее.

Женщина в углу поднялась и сделала шаг к нему. Свет в кубе изменился, стал мягче, теплее. Её лицо, которое раньше казалось просто маской, теперь обрело черты. Она была красивой, но в её красоте не было ничего яркого или вызывающего. Только спокойная, глубокая сила.

— Ты сделал первый шаг, — сказала она. — Ты вспомнил своё имя. Это значит, что твоё сознание начинает просыпаться.

— Где я? — спросил Алексей, оглядывая белые стены. — Это куб? Тот самый, из сна?

Она кивнула:

— Да. Но ты уже знаешь, что куб — не место. Это твоё сознание. Четыре стены — границы твоей личности. Ты построил их сам. И ты же должен их разрушить.

Он провёл рукой по стене. Она была гладкой, холодной, но под пальцами чувствовалась странная энергия — будто стена дышала, пульсировала в такт его сердцу.

— Почему я здесь? — спросил он, поворачиваясь к ней. — Почему я не помню ничего, кроме этого? Моей жизни? Моих людей?

Она посмотрела на него с грустью:

— Ты помнишь больше, чем думаешь. Но твой разум блокирует воспоминания. Слишком больно. Слишком тяжело. Ты сам закрыл себя в этом кубе, чтобы не чувствовать боли.

— Какой боли? — спросил он, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — Что я сделал? Что случилось?

Она подошла ближе и протянула руку. На её ладони лежала гильза. Та самая, что он носил с собой. Но теперь она была другой — чистой, блестящей, без царапин.

— Возьми, — сказала она. — Ты уже знаешь, что делать.

Он взял гильзу, и в тот же миг комната исчезла. Он стоял посреди серой бесконечности, той самой, что он видел в гильзе. Вокруг — ни стен, ни пола, ни потолка. Только бескрайнее серое пространство, в котором он был единственной твёрдой точкой.

Женщина стояла рядом.

— Это — предсознание, — сказала она. — Место, где ещё нет формы, но уже есть выбор. Ты можешь остаться здесь навсегда, или можешь пойти дальше.

— Куда дальше? — спросил он.

— В свою жизнь, — ответила она. — Ты должен вспомнить всё. Каждое решение, каждый поворот, каждую ошибку. Только тогда ты сможешь выбраться из куба по-настоящему.

Она щёлкнула пальцами, и перед ним возникли четыре двери. Пронумерованные. От первого до четвёртого.

— За каждой дверью — твоя жизнь, — сказала она. — Первая — настоящее. Вторая — прошлое. Третья — будущее. Четвёртая — то, что скрыто. Ты должен войти в каждую. Или ты можешь остаться здесь и забыть всё, что вспомнил. Выбор за тобой.

Алексей смотрел на двери, чувствуя, как страх и любопытство борются внутри него. За первой дверью — его настоящее. Он почти чувствовал запах той квартиры, слышал тишину, которая его окружала. За второй — прошлое. Что-то тяжёлое, что давило на грудь, когда он пытался вспомнить. Третья дверь вызвала тревогу — будущее, которого он боялся. И чет-

вёртая — она манила его больше всего. Там было что-то важное. Что-то, что он должен был увидеть.

— Я должен войти в каждую? — спросил он.

— Ты должен войти в правильную, — ответила она. — Но чтобы знать, какая правильная, ты должен заглянуть во все.

Он сделал шаг к первой двери. Его рука коснулась ручки, и он почувствовал, как та вибрирует под пальцами, будто живая. Он открыл её.

За дверью — его квартира. Та самая, из которой он ушёл через окно. Он смотрел на себя со стороны — он сидел на диване, сжимая гильзу в руке, и смотрел в стену. Его лицо было бледным, глаза пустыми. Он выглядел потерянным.

— Это ты сейчас, — сказала женщина, появляясь рядом. — Ты — в настоящем. Ты живёшь, но ты не чувствуешь жизни. Ты заперт в своей голове, в своём страхе.

Алексей смотрел на себя и чувствовал странную жалость. Этот человек был им, но одновременно чужим. Он не узнавал себя в этом бледном, испуганном лице.

— Я не хочу быть таким, — сказал он.

— Тогда иди дальше, — ответила она.

Он закрыл первую дверь и подошёл ко второй. Открыл её.

За ней — улица. Солнечный день. Он стоял на тротуаре, а напротив — женщина. Та самая, из больницы. Она улыбалась, протягивала ему руку. Он видел себя — молодого, счастливого, без страха в глазах. Он брал её за руку и улыбался в ответ. Рядом — шум города, смех, жизнь.

А потом картинка изменилась. Он увидел ту же улицу, но вечером. Дождь. Он стоял один, смотрел на неё, а она отворачивалась и уходила. Он не пошёл за ней. Он остался стоять под дождём, сжав кулаки, и в его глазах была боль. Она ушла. Он не остановил её.

— Это твой выбор, — сказала женщина. — Ты сделал его. И ты жалеешь о нём до сих пор.

Алексей почувствовал, как внутри разрастается горечь. Он помнил этот день. Он не хотел, чтобы она уходила. Но он не пошёл за ней. Он позволил ей уйти, потому что боялся. Боялся быть с ней. Боялся, что она увидит его настоящего и отвернётся.

Он закрыл вторую дверь. Руки дрожали.

Третья дверь. Он открыл её и увидел себя. Старого. Седого. Он сидел в той же квартире, в одиночестве, смотрел в стену. Рядом никого. Ни женщины, ни друзей, никого. Пустота. Он умер внутри, ещё будучи живым.

— Это то, что будет, если ты ничего не изменишь, — сказала женщина. — Ты умрёшь один. Без любви. Без смысла.

Он закрыл третью дверь, чувствуя, как по щеке скатывается слеза. Он не хотел такого будущего. Он не хотел умирать в одиночестве.

Осталась четвёртая дверь.

Он стоял перед ней, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он боялся её. Но он знал — за ней правда. Та, которую он прятал от себя все эти годы.

Он открыл дверь.

За ней — бесконечность. Свет. И он сам. Но не тот, каким он видел себя в зеркале. Настоящий. Спокойный. Сильный. Тот, кто помнил всё. Тот, кто не боялся.

Он стоял напротив самого себя и смотрел в глаза. Свои собственные глаза. И знал — этот человек не предаст. Не предаст себя. Не предаст ту, которую любит.

— Ты готов, Алексей, — сказала женщина. — Теперь ты знаешь, что тебя ждёт. Ты знаешь, что потерял и что можешь найти. Выбор за тобой.

Он шагнул в четвёртую дверь. И мир вокруг него взорвался белым светом.

Он открыл глаза. Он снова был в своей квартире. Сидел на диване. Гильза была зажата в руке. За окном — серый день. Но что-то изменилось. Он чувствовал это. Он знал, кто он. Он знал, что должен делать.

Он подошёл к окну, прикоснулся к стеклу. Оно снова было твёрдым, нормальным. За ним — серая улица, деревья, машины. Реальный мир. Или иллюзия.

Но он знал — теперь он готов идти дальше. Он положил гильзу на подоконник и посмотрел на своё отражение в стекле. Оно улыбнулось ему. Своей улыбкой. Правильной. Спокойной.

— Я готов, — сказал он.

Глава 2 — «Четыре имени»

Алексей проснулся от холода.

Он лежал на спине, чувствуя, как бетонный пол отдаёт ледяную дрожь через тонкую одежду. Вокруг — белая пустота. Четыре стены. Ни окон, ни дверей. Только ровный, холодный свет, льющийся из ниоткуда.

Он сел, потирая замёрзшие руки, и огляделся. Комната была точной копией той, что он видел во сне. Идеально квадратная, стерильно чистая. Каждая стена — гладкая, без единой трещины. Пол — бетонный, но странно тёплый под пальцами, несмотря на холод, пробирающий до костей.

— Нет, — прошептал он. — Только не снова.

Он попытался встать, но ноги не слушались — затекли от долгого лежания. Он опёрся на стену, чувствуя, как ладони скользят по гладкой поверхности. Холод проникал в кожу, но внутри, под ладонями, он снова чувствовал ту же пульсацию. Стенки дышали. Комната была живой.

— Эй! — крикнул он в пустоту. — Есть кто?

Голос ударился о стены, разлетелся эхом и затих. Ответа не было. Только тишина, давящая на уши, и его собственное дыхание, слишком громкое в этом вакууме.

Он медленно повернулся, осматривая комнату. И замер.

В трёх углах комнаты, напротив него, сидели люди. Три мужчины. Они были неподвижны, как статуи, и смотрели прямо на него. Их лица — одинаковые. Его лицо. Но выражения — разные.

Первый — агрессивный. Глаза прищурены, челюсти сжаты, кулаки сжаты. Он смотрел на Алексея с вызовом, как будто готовый в любой момент броситься в драку.

Второй — плакал. Слёзы текли по его щекам, плечи вздрагивали, но он не издавал ни звука. Его взгляд был пустым, устремлённым в пол.

Третий — застыл в полной неподвижности. Его лицо ничего не выражало. Ни гнева, ни боли, ни страха. Только абсолютное, ледяное спокойствие. Он смотрел в стену, будто его здесь не было.

А в четвёртом углу — она. Женщина. Та самая, что говорила с ним в серой бесконечности. Она сидела, скрестив руки на коленях, и смотрела на них всех. Молча. Её глаза перебежали с одного лица на другое, но на ней не было ни удивления, ни страха. Только спокойное, терпеливое ожидание.

— Что происходит? — спросил Алексей, обращаясь к ней. — Где я? Мы же были в бесконечности. Ты сказала, что я готов.

Она не ответила. Только покачала головой, едва заметно, и указала глазами на трёх мужчин.

Алексей перевёл взгляд на них. Первый, агрессивный, поднялся на ноги. Он был выше Алексея, шире в плечах, и двигался с неестественной, хищной грацией.

— Опять ты, — сказал он, и голос его был грубым, низким. — Вечно ты вылезаеть, когда не надо.

Алексей опешил:

— Что? Ты кто?

— Не прикидывайся, — усмехнулся агрессивный. — Я — это ты. Или тот, кого ты боишься. Но сейчас неважно. Важно, что ты должен выбрать.

Второй поднял голову. Его глаза были красными от слёз, и голос дрожал, когда он заговорил:

— Зачем мы здесь? Я хочу домой. Я не могу больше.

Третий, неподвижный, не шевельнулся. Он просто сидел и смотрел в стену. Его молчание было громче любых слов.

Алексей чувствовал, как внутри нарастает паника. Три человека. Три его лица. Три версии его самого. Он помнил сон — четыре фигуры в кубе. Теперь он был в этом кубе. Наяву. Или не наяву. Он уже не мог отличить.

— Вы — это я, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Мы все — один человек. Так?

— Один человек, который развалился на части, — усмехнулся агрессивный. — Ты просто слишком долго носил маски. А теперь они стали реальными.

— Мы не маски, — прошептал второй, всхлипнув. — Мы — это ты. Каждый из нас — это выбор, который ты сделал. Или не сделал.

Алексей перевёл взгляд на третьего. Тот не шевельнулся. Никакой реакции. Он был как камень — безэмоциональный, безжизненный.

— А ты кто? — спросил Алексей.

Третий медленно повернул голову. Его глаза встретились с глазами Алексея, и в них не было ничего. Абсолютная пустота.

— Я — то, что останется, если ты выберешь неправильно, — сказал он. Голос его был ровным, лишённым интонаций. — Я — тишина. Конец.

Алексей отступил на шаг, чувствуя, как холод пробегает по спине. Он посмотрел на женщину в углу, ища у неё поддержки, но она по-прежнему молчала. Только смотрела на него с тем же терпеливым ожиданием.

— Что мне делать? — спросил он у неё. — Ты сказала, что я готов. Что я вспомнил своё имя. Но я не знаю, что делать дальше.

Она медленно поднялась со своего места. Её движение было плавным, почти невесомым. Она подошла к центру комнаты и встала между ними.

— Вы все знаете, зачем вы здесь, — сказала она, и голос её разнёсся по комнате, перекрывая шёпот и плач. — Вы помните, что случилось. Вы помните, что привело вас сюда. Но вы не хотите признаваться в этом.

Она повернулась к агрессивному:

— Ты помнишь свой выбор. Ты выбрал гнев. Ты думал, что сила — это ответ. Но ты ошибался.

Потом к плачущему:

— Ты выбрал сожаление. Ты думал, что боль очищает. Но она только разрушает.

И к неподвижному:

— Ты выбрал ничего. Ты думал, что если не чувствовать, то не будет больно. Но ты просто загнал себя в могилу.

Она повернулась к Алексею:

— А ты — ты выбрал забыть. Ты думал, что если не помнить, то можно начать заново. Но ты просто потерял себя.

Алексей сглотнул. Её слова вонзались в грудь, как иглы. Она знала их всех. Знала его. Лучше, чем он сам.

— Я не помню, — сказал он, чувствуя, как голос срывается. — Я правда не помню. Я проснулся сегодня и ничего не помнил. Только куб. Только выстрел. И тебя.

— Это потому, что ты не хочешь вспоминать, — сказала она. — Но ты должен. Иначе ты никогда не выйдешь отсюда.

Она сделала шаг назад, возвращаясь в свой угол.

— У вас есть время, — сказала она. — Вспомните, зачем вы здесь. Пока вы не вспомнили — никто никого не убьёт.

Агрессивный усмехнулся, скрестив руки на груди:

— Ха. Вспомнить. Легко сказать. Ты думаешь, я не пытался? Каждый чёртов цикл я пытаюсь вспомнить, но она не даёт мне. Она только говорит «вспомни» и молчит.

— Она не молчит, — прошептал второй. — Она говорит. Но мы не слышим. Потому что мы не хотим.

— Заткнись, нытик, — рявкнул агрессивный. — Ты только мешаешь.

— Прекратите! — крикнул Алексей. — Мы все здесь. Мы все — одно. Если мы начнём драться друг с другом, мы никогда не выберемся.

Третий, неподвижный, поднял голову и посмотрел на Алексея:

— Ты прав. Мы — одно. Но мы не хотим признавать этого. Каждый из нас считает, что его путь — правильный. И каждый отказывается смотреть правде в глаза.

Он медленно поднялся на ноги. Его движения были плавными, почти механическими.

— Может, нам стоит просто... поговорить, — сказал он. — По-человечески.

Агрессивный фыркнул, но промолчал. Второй вытер слёзы и поднял голову.

Алексей посмотрел на них и понял, что это — единственный шанс. Поговорить. Понять. Вспомнить.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте поговорим.

Они сели в круг, прямо на холодный бетонный пол. Четыре версии одного человека, четыре осколка разбитой личности. Женщина осталась в углу, наблюдая за ними с привычным терпением. Её молчание не давило — оно было фоном, напоминанием о том, что время идёт.

Алексей смотрел на трёх мужчин напротив и чувствовал странное родство с каждым из них. Они были им, но одновременно совершенно разными людьми. И это разрывало его изнутри.

— Кто начнёт? — спросил Алексей, оглядывая их.

Агрессивный усмехнулся, откинувшись назад и опершись на руки:

— Давай ты. Ты — главный. Ты — тот, кто здесь хозяин. По крайней мере, так ты думаешь.

— Я не думаю, что я здесь хозяин, — ответил Алексей. — Я просто хочу понять.

— Мы все хотим понять, — прошептал второй, вытирая щеки рукавом. — Но мы не можем. Потому что мы слишком разные.

— Мы не разные, — тихо сказал третий, неподвижный, глядя в пол. — Мы — одно. Мы просто забыли об этом. Каждый из нас забыл что-то своё.

Алексей кивнул:

— Может, если мы расскажем друг о друге, мы сможем вспомнить? Кто мы? Откуда мы?

Агрессивный хмыкнул:

— Легко. Я — Арсений. Тот, кто не боится. Тот, кто идёт напролом. Я принимаю решения, когда все остальные боятся. Я — сила.

— Или злость, — тихо добавил второй.

— Заткнись, Пётр, — огрызнулся Арсений. — Ты вообще не имеешь права голоса. Ты — тот, кто всегда плачет. Ты — слабость.

Пётр вздрогнул, но промолчал, опустив глаза в пол.

— А ты? — Алексей повернулся к нему. — Ты Пётр? Что ты помнишь?

Пётр долго молчал, теребя край своей рубашки. Потом поднял глаза — красные, опухшие от слёз.

— Я помню боль, — сказал он. — Я помню, как мы сделали выбор. Неправильный выбор. И я помню, как мы страдали. Каждый день. Каждую ночь. Я не могу забыть это. Я не хочу забывать, потому что если я забуду, значит, это было зря. Но я не могу жить с этим.

Арсений фыркнул:

— Вечно ты ноешь. Если бы не я, ты бы так и сидел в углу и плакал до конца жизни.

— Если бы не ты, — тихо сказал Пётр, — мы бы не оказались здесь.

Арсений вскочил на ноги, сжимая кулаки:

— Что ты сказал?

— Сядь, — сказал Алексей, поднимаясь и вставая между ними. — Мы не будем драться. Мы здесь, чтобы вспомнить, а не чтобы уничтожить друг друга.

Арсений посмотрел на него с вызовом, но медленно опустил обратно. Глаза его горели гневом, но он сдерживался. С трудом.

— Хорошо, — сказал он сквозь зубы. — Хорошо. Я сяду. Но если этот плакса ещё раз откроет рот, я не ручаюсь за себя.

Алексей повернулся к третьему. Тот по-прежнему сидел неподвижно, глядя в одну точку. Казалось, он вообще не замечает происходящего.

— А ты? — спросил Алексей. — Ты не назвал себя. Кто ты?

Мужчина медленно поднял голову. Его глаза были пустыми, как у куклы. В них не было ни эмоций, ни жизни.

— Михаил, — сказал он. Голос его был ровным, лишённым интонаций. — Я — тишина. Я — покой. Я — то, что остаётся, когда всё заканчивается.

— Что значит «покой»? — спросил Алексей, чувствуя, как холод пробегает по спине.

Михаил посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом:

— Это значит, что я не чувствую боли. Я не чувствую страха. Я не чувствую ничего. Я принял решение не чувствовать. И это спасло меня. Или убило. Я не знаю.

Алексей сглотнул. Он смотрел на трёх мужчин и понимал, что каждый из них — это часть его самого. Часть, которую он создал, чтобы выжить. Часть, которая стала его тюрьмой.

— А ты? — спросил Арсений, глядя на Алексея. — Ты всё ещё не назвал себя. Ты — главный. Ты — тот, кто всё это начал. Как тебя зовут?

Алексей открыл рот, готовый произнести имя, которое вспомнил в серой бесконечности. Но когда он попытался сказать его, слова застряли в горле.

— Алексей, — сказал он, но голос прозвучал неуверенно, будто он врал.

— Алексей, — повторил Арсений с насмешкой. — И когда ты стал Алексеем? А я думал, ты — это я. Или мы все — это ты.

— Я не знаю, — ответил Алексей, чувствуя, как внутри разрастается сомнение. — Это имя пришло ко мне. Оно казалось правильным. Но теперь... теперь оно чужое.

— Потому что ты не Алексей, — тихо сказал Пётр, поднимая глаза. — Ты — никто. Мы все — никто. Мы потеряли себя так давно, что даже не помним, как нас звали на самом деле.

— Заткнись, — рявкнул Арсений, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Он — Алексей. Мы все — Алексей. Просто мы — его части.

— А если нет? — спросил Михаил, и его голос прозвучал громко в тишине. — Что, если мы не части одного человека? Что, если мы — отдельные личности, которые оказались в одной ловушке?

Арсений замер. Пётр перестал плакать. Они оба посмотрели на Михаила, и в их глазах промелькнул страх.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Алексей, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Я хочу сказать, — Михаил поднялся на ноги, и его движения были плавными, почти механическими, — что мы все здесь не случайно. Каждый из нас выбрал свой путь. И каждый из нас должен умереть. Но не все.

Арсений вскочил на ноги, его лицо исказилось от гнева:

— О чём ты говоришь? Кто должен умереть?

Михаил посмотрел на него пустыми глазами:

— Ты. Или я. Или он. Мы не знаем. Но кто-то из нас должен уйти, чтобы остальные могли выжить.

— Нет! — крикнул Пётр, вскакивая на ноги. — Мы не будем убивать друг друга! Мы не для этого здесь!

— А для чего? — спросил Арсений, и его голос дрожал от ярости и страха. — Мы здесь, потому что кто-то из нас заслужил это. Кто-то из нас — ложь.

Они стояли друг напротив друга, готовые к драке. Воздух в комнате накалился до предела. Алексей смотрел на них и чувствовал, как внутри разрывается от отчаяния.

— Хватит! — крикнул он, перекрывая их голоса. — Мы не будем драться! Мы будем говорить. Мы будем вспоминать.

— Вспоминать? — усмехнулся Арсений. — А что вспоминать? Что мы сделали? Что мы выбрали? Что мы предали себя?

Алексей посмотрел на женщину в углу. Она по-прежнему молчала, но в её глазах он увидел ответ. Не словами, а взглядом. Поддержку. Веру в него.

Он повернулся к трём мужчинам и сказал:

— Мы будем вспоминать. Вместе. Или мы никогда не выйдем отсюда.

Он подошёл к центру комнаты и сел на пол, скрестив ноги.

— Садитесь. Давайте попробуем снова. Сначала.

Они переглянулись. Арсений сжал кулаки, потом медленно разжал их и сел. Пётр последовал за ним, вытирая слёзы. Михаил остался стоять, глядя на них пустыми глазами, но потом тоже опустился на пол.

Они сидели в кругу, и между ними, в центре, лежала пустота. Ничего. Только ожидание.

— Я — Алексей, — сказал он, глядя на каждого из них. — Я тот, кто забыл. Я тот, кто хочет вспомнить. Но чтобы вспомнить, мне нужно узнать вас. Настоящих вас. Без масок.

Арсений усмехнулся:

— Мы и есть маски. Мы — это то, что ты создал, чтобы выжить.

— Тогда расскажите мне, — сказал Алексей. — Расскажите, кого вы создали. Зачем.

И они начали говорить. Каждый — о себе. О своей боли. О своём страхе. О своей надежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.